

Снежная стена

Нас отделяет снежная стена
от лучших дней, лишённых окончания.
Как долго здесь безмолвствует зима,
как мы под стать храним своё молчанье.
Здесь ветер злится от избытка сил,
в нём жизни нет, ему и равных нету...
он низвергал нас, юных, возносил,
забавы ради раскидал по свету.
И не собрать, и не слепить в одно,
и не найтись, ведь немоте не вторят.
И каждый сам как снятое пальто,
что на крючке повисло в коридоре.
Всё неизменно - даты, имена,
работа, деньги, становленье старше...

Как долго здесь главенствует зима
и волочит существование наше.

Реальность грустна: ты жив, а потом отпет,
и солнцем душа садится за горизонт.
Не важно где жил и сколько десятков лет,
каких и когда стремился достичь высот;
что ел на обед, как часто ходил смотреть
в туманную даль, которой за всё прощён.
Но музыка дней твоих не воскреснет
впредь
на клавишах тех, что могут звучать ещё.

Я знаю, ты жил неспешно и не спеша
успеть - опоздать, найти - потерять,
обрести
бесценную мысль, в которой так хороша
минута, что здесь пройдя, остаётся здесь.
Я знаю, ты жил, в душе небеса храня,
как белый цветок, камыш, полевой
вьюнок...

И грезил взлететь бескрыло, когда земля
начнёт уходить стремительно из-под ног.

Не нарушай царящего молчанья,
где боль ясна. Я кажется готов
когда-нибудь, молчанье источая,
уйти по кромке белоречных льдов.

Со счета сбросить все ориентиры.
В чистовиках слова, в черновиках
слова, стирая клеточки-квартиры,
уйдут со мной. Останутся в веках

тела деревьев, исполины-зданья.
Ты не клянись ничем, но обещаю
запомнить, что любое «до свиданья»
таит в себе зеркальное «прощай».

Лёд тронулся. Но всё ещё зима
телам и душам не даёт оттаять.
Смотай в клубок распутанную память,
сходя с подножки.
Только не с ума.

Давно сорвало время-палантин
и унесло. Но жили, не стихали
гудки страны, сигналы. Ты один
вернулся к ней в придачу со стихами.

Всю боль разлуки вынесла душа -
и берегая и невозможная.
Теперь иди несколько не спеша,
минуй депо под грохоты трамвая.

Пусть бродит взгляд среди знакомых
мест,
где обновилось что-то, постарело.
Пятиэтажный дом, второй подъезд,
второй этаж и поворот налево.

Реминисценции созвал, навлѐк
день проходящий. С музыкой и без
лежали мы кровати поперѐк,
забыв о том, что времени в обрѐз.
Делились словом и по существу
и нет. Гуляли вдоль дорог, аллей.
И прежде чем на пѣструю листву
упасть, висели в воздухе над ней.
И пряный запах листьев унося
в ладонях, шли, нисколько не стыдясь
того, что жизнь оставшаяся. Вся.
Прямую нашу одобряет связь.

Эмбрион

1.
Мы наконец воспряли ото сна,
успокоенья в нём не обнаружив.
Любовник-ветер, ждавший допоздна,
шевелит ночи пеньюар из кружев.

Его устами истину глаголь
напропалую, если не чужда я.
И пусть пронзает ноющая боль,
наличность душ собою подтверждая.

Мир оградил себя цепями скал,
осуществив распоряженье чьѐ-то.
Быть может это то, что ты искал,
не отдавая в том себе отчета.

2.
Ночь коротка и рвѣтся, как капрон,
об первый луч, направленный извне.
Твоей любви запретной эмбрион
растет во мне, шевелится во мне.
И целый мир к нему благоволит
земной и тот, что существует под,
где «лечит» души страждущих Аид
и отпускает в чѣрный небосвод.
Тьма ускользает из-под пальцев, но
я остаюсь вне времени опять,
своей незримой жизни плотно
делить с тобой. И олицетворять.

3.
Волокна света заменили ту
привычную для зренья темноту.
И стражи снов покинули постели.
С небес горящих шепчут облака
лишь об одном: смерть - фикция, пока
два сердца бьются в неделимом теле.

Но неизбежной всё же быть беде.
Мы выйдем за пределы комнат, где
начнет вращенье мира центрифуга
в очередной, но не в последний раз.
Она бесстрастно перемолет нас,
успевших за ночь прорасти друг в друга.

И вдруг вернуться на круги своя:
блудница-ночь, обнявшая меня,
еѐ минут подробности, детали;
слова, в которых боль и колдовство,
для душ, годами ищущих родство...
Как будто мы ещё не умирали.

Суфлѣры словно – сквозняки в метро,
напрасно шепчут откровенья про
реальность ада, иллюзорность рая –
я проращу у смерти на виду
и к терпеливо ждущим побреду,
из мѣрзлой почвы стопы вырывая.

Свет рассекает однородный фон,
и вечной спешке преданный вагон
снижает темп, предчувствуя Нирвану.
Я – пассажир, я буду им пока
так мучит жажда одного глотка
свободы той, что мне не по карману.

С уходом медлит юности сезон,
но день его, как нехороший сон,
сошѐл на нет, собою озаботив.
Пока горят четыре цифры ноль,
наполни шприц и сердце обезболь,
мой верный врач, садящийся напротив.

